

«ВЕЛИКИЕ» НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОЕКТЫ СЕВЕРОКАВКАЗЦЕВ В 1920–1930-е ГОДЫ

Одним из коньков политической программы партии большевиков для завоевания, а потом и удержания власти являлся тезис о насущной необходимости разрешения в стране национального вопроса. В его русле в мирное время целенаправленно осуществлялось нациестроительство. И «нации» формировались, росли, укреплялись усилиями не только Центра, но и местных активистов и элит. В результате государственная машина сталкивалась с «болезнями роста», включавшими проблемы самосознания, а через них с проблемами исторической памяти, землепользования, дележа власти. Концепции Великой Черкесии, Великой Осетии и рядом с ними Нахистана были сформулированы к концу 1920-х годов (а не на рубеже 1980–1990-х годов, как считают многие). Этому предшествовало созидание соответствующих идей, о деталях которого скажу очень кратко.

Начну с адыгов. В указанном плане примечательным событием явился Третий съезд шапсугского народа (шапсуги — субэтническая группа адыгов / адыгейцев), состоявшийся в сентябре 1922 г. Главным на нем стал вопрос об автономии или, как говорили делегаты съезда, о самоопределении. Автономия в их глазах должна была простираться от Тамани до Абхазии с центром в Туапсе; предлагалось выселить из нее всех «пришельцев».

Требования съезда первоначально поддержали в Адыгее-Черкесской автономной области. Одновременно ставился вопрос об организации Единой Адыгейской (Черкесской) ССР, объединившей бы помимо Шапсугского также Псекупский, Ширванский, Армавирский, Фарский и Баталпашинский кантоны [Ржавин 1999: 93–94].

Подобному решению воспротивилось руководство Кубано-Черноморской области, которое соглашалось лишь на оказание экономической помощи шапсугам. Не поддержал его и Северо-

Кавказский крайком, в том числе принимая во внимание политический фактор, который виделся в том, что такая территориальная и политическая консолидация адыгов и выход к морю «чрезмерно» усилили бы национальное образование, а это грозило его излишней самостоятельностью и включением в орбиту влияния Турции. В итоге был создан национальный Шапсугский район. Его центром определили г. Туапсе, затем «столицей» Шапсугии неоднократно менялись. Национальный район просуществовал до мая 1945 г.

В Адыгее-Черкесской области часть старой интеллигенции, первоначально оказавшаяся в руководящих органах области, позднее, лишившись постов, объединила свои силы в краеведческом обществе любителей изучения Адыгеи и, как отмечалось в записке начальника информационного отдела ОГПУ в ЦК ВКП(б) весной 1928 г., «начала культивировать идею создания “Великой Черкесии” путем слияния Кабардино-Балкарской и Адыгее-Черкесской областей в одно национальное объединение и переселения из Турции двух миллионов Черкесов» [ЦК РКП(б) 2005: 550].

В Осетии события развивались следующим порядком.

В июле 1917 г. состоялся съезд представителей Северной и Южной Осетии, на котором последние поставили вопрос об объединении. Однако представители Северной Осетии на такой шаг не отважились, заявив, что решение данного вопроса будет зависеть от развития событий в России. В Южной Осетии общественное движение за выход из состава Грузии получило широкое развитие, что вынудило грузинское правительство применить вооруженную силу. В результате было большое количество жертв и беженцев из Южной Осетии. При этих обстоятельствах вопрос об объединении двух Осетий не сходил с повестки дня. В 1921 г. в правительстве Горской республики обсуждался вопрос о ее границах в связи с вероятным присоединением к этой «федерации» Южной Осетии [ЦГА РСФСР-А. Ф. р-82. Оп. 1. Д. 1. Л. 12]. В дальнейшем данная тема получила совершенно иной оборот.

В 1925 г. представители Северной и Южной Осетии выходили на первых лиц государства с вопросом объединения в рамках Грузии. Одновременно ими ставился вопрос о присоединении к Осетии Моздокского района.

Сталин первоначально благосклонно отнесся к идее объединения двух Осетий, но присоединение Моздокского района расценил как фантастический и совершенно не приемлемый проект [ЦК РКП(б) 2005: 283]. Глава Северо-Кавказского края высказал опасения о судьбе единой Осетии и шире — РСФСР, что произвело на Сталина впечатление, и он тоже откровенно засомневался в возможности создания «Великой единой Осетии» в статусе автономной республики в составе Грузии (столицей Осетии должен был стать город Владикавказ). Подобный шаг руководства страны, по его мнению, вызвал бы претензии и у других северокавказских автономий на преобразования их в республики, что пагубно отразилось бы на судьбе РСФСР [Там же: 297–298].

Едва ли не самое примечательное в истории с планом объединения Осетий в составе Грузии то, что точку в ней поставили казаки. Они категорически возражали против перехода Северной Осетии, на территории которой проживали, в состав Грузии. Впрочем, по вопросу объединения двух Осетий в составе РСФСР они не возражали [ЦАНИРГ. Ф. 607. Оп. 2. Д. 3500. Л. 185]. Как выразился Сталин, «нарождающиеся “национальные” стремления казаков» дали о себе знать. В итоге вопрос об объединении Северной и Южной Осетии официально был снят с повестки дня. Но он продолжал активно обсуждаться в среде североосетинской интеллигенции.

В 1922 г. впервые был поднят вопрос о возможном присоединении Ингушетии к Чечне, когда Чечня в статусе автономной области выделилась из состава Горской республики [Бугай, Мекулов 1994: 107]. Определялось это откровенно непростыми взаимоотношениями с Северной Осетией, с которой Ингушетия должна была существовать в остаточном формате Горской республики.

По большому счету, самостоятельность ингушей и чеченцев никогда не ставилась под сомнение. Однако и в научных, и в партийных кругах, и в самих ингушском и чеченском обществах в середине 1920-х годов все громче стали говорить о родстве двух народов, близости их языков, позволяющей создать один литературный язык.

З.К. Мальсагов предложил общий этноним для обоих народов — нахи, общий язык назвал нахским, а территорию, «занятую

им», — Нахистаном [Мальсагов 1928: 3]. Н.Ф. Яковлев внес уточнение в общее наименование чеченцев и ингушей (или, по его выражению, чечено-ингушей «как национальности») — вайнахи или вейнахи [Яковлев 1928: 195–196]. Оба недвусмысленно указывали на реальность объединения двух родственных народов.

Среди ингушской и чеченской интеллигенции (как оценивало ОГПУ, «в лице ее националистических групп») движение за объединение двух областей было весьма активным. В Программе соответствующих групп отмечалось, что «соединение, за счет единого аппарата, освобождает все культурные силы и позволяет их равномерное распределение, чем устраняет зависимость от русских культурных сил. <...> Объединение приведет к большей политической независимости. Проект объединения Чечни и Ингушетии усиленно продвигался на протяжении двух лет и продолжает продвигаться в массы, несмотря на запрет со стороны краевых инстанций. Движение постепенно возникает и в среде молодежи. Вопросы объединения, правда, в частном порядке, обсуждались на ряде партийно-комсомольских пленумов. Была попытка поставить их в решительной форме и на чеченской партийной конференции в конце 27 г. Был подготовлен доклад в ЦК ВКП(б)» [ЦК РКП(б) 2005: 547–548].

Северо-Кавказский край был против объединения этих областей. Однако в ЦК на положение в этой части региона смотрели иначе, и потому там обсуждали вопрос создания общего литературного вайнахского языка, что предполагало и близкое по времени объединение двух автономий, а через это «объединение» — слияние двух народов. Образование Чечено-Ингушетии (Нахистана), с одной стороны, соответствовало все более усиливавшейся в умонастроениях политиков линии на унификацию дробного этнического состава населения страны, с другой стороны, могло импонировать как своеобразный противовес определенно обозначившимся политическим амбициям Осетии и Черкесии.

В свою очередь, идея Нахистана оставалась привлекательной и для немалого числа представителей ингушской и чеченской интеллигенции, ибо подобное этнополитическое образование могло реально конкурировать в регионе с Осетией и Черкесией либо претендовать на большую самостоятельность через обретение

статуса республики. В начале 1930-х годов общее силовое давление центральных органов власти на представителей местных административно-государственных и партийных структур возобновилось. В категоричной форме Центром был озвучен вопрос о передаче Владикавказа Северной Осетии. В конце ноября 1932 г. вопрос об объединении Чечни и Ингушетии рассмотрел Северо-Кавказский крайком партии и в начале декабря вынес по нему положительное решение.

В свете сталинского определения нации: «Нация — это исторически сложившаяся устойчивая общность языка, территории, экономической жизни, психического склада, проявляющегося в общности культуры», писатель Дошлуко Мальсагов по всем этим пунктам подтверждал, что «чеченцы и ингуши составляют единую нацию» (статья «О едином чечено-ингушском литературном языке» впервые была опубликована в журнале «Революция и горец» в 1933 г., № 5) [Мальсагов 1998: 22, 23, 28–29].

В свою очередь представитель Центра С. Диманштейн констатировал, что объединение чеченцев и ингушей является хорошим примером органического слияния наций при социализме.

В заключение отмечу, что, реализуя политику нациестроительства, государство сталкивалось со своего рода побочными явлениями, обусловленными активным возрастанием национального самосознания на местах, что вызывало появление больших этнополитических проектов. Национальное самосознание представители власти в то время называли «новым видом горской контрреволюции — национально-демократическим движением, возглавляемым и вдохновляемым нацинтеллигенцией в блоке с аульным кулачеством и мусдуховенством, под идейным руководством зарубежной нацинтеллигенции» [ЦК РКП(б) 2005: 546].

Источники

ЦАНИРГ — Центральный архив новейшей истории Республики Грузия. Ф. 607. Оп. 2. Д. 3500 — Протоколы Большого и Малого Президиумов Северо-Кавказского краевого исполнительного комитета за 1925 г.

ЦГА РСО-А — Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания. Ф. р-82, Оп.1. Д. 1 — Постановления ВЦИК о реорганизации народного комиссариата по национальным делам,

об образовании Горской республики. Протоколы заседаний делегации съезда народов Терской области о разрешении земельного вопроса в Горреспублике. 1921 г.

ЦК РКП(б) 2005 — ЦК РКП(б) — ВКП(б) и национальный вопрос / Сост.: Л.С. Гатагова, Л.П. Кошелева, Л.А. Роговая. М., 2005. Кн. 1. 1918–1933 гг.

Библиография

Бугай Н.Ф., Мекулов Д.Х. Народы и власть: «социалистический эксперимент». 20-е годы. Майкоп, 1994.

Мальсагов Д.Д. Избранное. Нальчик, 1998.

Мальсагов З. Культурная работа в Чечне и Ингушетии в связи с унификацией алфавитов. Владикавказ, 1928.

Национально-государственное строительство 1995 — Национально-государственное строительство в Российской Федерации: Северный Кавказ (1917–1941 гг.). Майкоп, 1995.

Ржавин А.А. Шапсугский национально-территориальный район: из истории образования // Информационно-аналитический вестник. Майкоп, 1999. Вып. 1. История. Этнология. Археология.

Яковлев Н.Ф. К вопросу об общем наименовании родственных народов // Записки Северо-Кавказского краевого горского научно-исследовательского института. Ростов н/Д, 1928. Т. 1.

Ю.Ю. Карнов

«ТРАДИЦИИ» В РАБОТЕ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ДЕЯТЕЛЯ. РУКОВОДИТЕЛЬ КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ 1920–1930-х ГОДОВ БЕТАЛ КАЛМЫКОВ

В настоящем случае я хочу лишь поставить вопрос: можно ли рассматривать фигуры советских руководителей национальных автономий в контексте выражения ими в новых условиях определенного набора «традиционных» социокультурных правил.